

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008.009

А. В. Азов, Н. М. Багновская

Социокультурные особенности модернизационных процессов в России

Статья посвящена осмыслению необходимости новой, эффективной стратегии реформ, которая будет понята и поддержана населением.

Ключевые слова: модернизация, модернизационные процессы, реформы, социокультурные основания российской цивилизации, специфика социокультурного развития.

A. V. Azov, N. M. Bagnovskaya

Sociocultural Features of Modernization Processes in Russia

The article is devoted to understand the necessity of a new effective strategy of reforms which will be understood and supported by population.

Keywords: modernization, modernization processes, reforms, sociocultural bases of the Russian civilization, specifics of sociocultural development.

Экономический и социальный прогресс автоматически не гарантирован. Даже самые передовые и динамично развивающиеся страны время от времени сталкиваются с проблемой невозможности обеспечить дальнейшее развитие на основе прежних экономических, социальных и политических механизмов. Вот тогда и возникает необходимость в модернизации.

В социальной теории под модернизацией понимают процесс совершенствования экономических, политических и социальных механизмов развития общества по критериям западной (буржуазной) цивилизации [1], так как лидирующее положение, которое страны западной цивилизации заняли во всемирной истории, предопределило и ту роль ориентиров развития, которую играют наиболее развитые из них.

Для осмысления модернизационных процессов в России и обоснования своеобразия российского варианта модернизации такие исследователи, как А. А. Кара-Мурза и А. Г. Вишневский предлагают использовать термин «консервативная модернизация», которую они понимают как модель, ориентированную на сохранение или

медленную трансформацию традиционных ценностей, институтов и отношений [2].

В свою очередь, С. Н. Гавров [3] предлагает рассматривать с учетом российской специфики в качестве основных две модели: либеральную и имперскую. В России сложилась устойчивая воспроизводимая амбивалентная (двойственная) ситуация, при которой социокультурные основания российской цивилизации определяются маятниковым циклом, где доминанта имперской модели модернизации чередуется с компонентой модели либеральной. При этом модернизационный процесс имеет свою устойчивую доминанту – имперскую модель модернизации.

Российская имперская модернизация осуществляется во имя стабилизации и консервации базовых характеристик империи, ее успешное проведение способствует решению задач имперского строительства и воспроизводства в новых исторических и социокультурных условиях.

Под либеральной моделью понимается такой тип восприятия культурно-цивилизационного опыта Запада, который предполагает трансформацию российского общества в либеральном направлении. Однако импортирование западных

институтов – представительной демократии, избирательной системы, прав человека, судопроизводства – получило в России преимущественно имитационные формы, что не только кардинально меняло их изначальное содержание, но и уменьшало их устойчивость перед антимодернистскими тенденциями.

Одной из интерпретаций российских реформ стала концепция «нового русского феодализма», получившая распространение среди зарубежных и отечественных обществоведов. Попытку обобщить дискуссию о данной концепции предпринял английский исследователь Д. Лестер, который выделил наиболее важные характеристики данного феномена, такие как тесное переплетение собственности и власти; преобладание личных связей, основанных на все более неформальных отношениях в политической, социальной и экономической сферах; рост насилия, заставляющий людей все больше полагаться на собственные силы, вплоть до создания частных армий теми, кто обладает достаточными средствами; «провинциализация» страны, то есть резкое ослабление тенденции к интеграции во всех сферах жизни; все более явная трансформация политических партий и ассоциаций из формы артикуляции и агрегации интересов в орудия достижения частных целей и продвижения во власть отдельных политиков; формирование «государства в государстве» в высших эшелонах власти как средство обеспечения безопасности и личного благосостояния [4].

Перечисленные модели в той или иной степени объясняют модернизационные процессы, инициируемые российскими реформаторами в различные исторические периоды.

Примером наиболее деспотического варианта модернизации являлись Петровские реформы, заложившие основные традиции российского реформаторства, главная из которых – исключительная роль государства и государственных структур в этом процессе. Народ традиционно выступал в качестве объекта реформ и материала для социального экспериментирования.

Реформы 60–70-х гг. XIX в. получили значительно более широкий социальный отклик, нежели Петровские реформы. Однако и в них были черты проекта для элиты. О каких-либо механизмах социальной ответственности элиты, кроме преданности державе и государю, как и в Петровскую эпоху, речь не шла. Пожалуй, можно упомянуть лишь о возросшем значении общественного мнения в связи с некоторым расширени-

ем свободы печати. Таким образом, ряд противодействующих факторов определил неполноту реализации данной модернизации.

Принципиальный вопрос любой модернизации относительно готовности самого общества к нововведениям, как правило, игнорировался властью. Подобный тип реформаторства неизбежно порождал сопротивление части населения, состояние внутренней напряженности и конфликтности общества, что создавало условия для их отката назад. К сожалению, опыт современного реформирования говорит о сохраняющихся пагубных традициях.

То, что поворот 1917 г. в конце концов исчерпал свою динамику, что экономическое и социальное развитие российского общества по сравнению с более развитыми странами к 80-м гг. XX в. замедлилось и система вошла в кризис, а идеи и принципы, лежавшие в основе этого поворота, утратили свою былую роль, – исторические факты, не являющиеся предметом спора. Но совсем неочевидным является утверждение, что созданная на основе этих идей и принципов система была с самого начала целиком искусственной, неэффективной и не имевшей опоры в социальных, нравственных и культурных основах российского общества.

Так и не проясненным до конца остается вопрос: почему СССР, начав со значительно более низких показателей, чем в царской России (уровень промышленного производства сократился с 1913 по 1920 г. примерно в пять раз), сумел совершить такой рывок в области модернизации экономики и общества? И почему подобный рывок оказался не под силу царской России, несмотря на впечатляющие успехи по отдельным направлениям (например, в области железнодорожного строительства)?

Очевидно, что советская экономическая модель, в конечном счете, не стала более эффективной, чем экономическая система наиболее развитых капиталистических государств. Но в данном случае речь идет не об эффективности экономической системы вообще, а о ее способности эффективно решать задачу мобилизации ресурсов для модернизации.

При решении задач догоняющей индустриализации и движении экономики от раннеиндустриальной к началу позднеиндустриальной стадии плановая система продемонстрировала более высокие мобилизационные возможности, чем рыночная.

В советской системе стратегия форсированной модернизации была самым тесным образом связана с идеологией и политикой эгалитаризма и развитием социального творчества. Последнее хотелось бы прокомментировать особо. Феномен социального творчества – созидания новых форм организации экономической и общественной жизни если не непосредственно трудящимися, то при их прямом участии, – пока слабо изучен и описан. Как правило, он фиксируется в понятии «энтузиазм», объединяющем целый ряд социальных – как материальных, так и нематериальных – процессов и отношений: от ростков участия рабочих в учете и контроле, управлении, соревновании до спонтанной, народной инициативы по созданию успешно действовавших кооперативов и коммун, разрушенных сталинской коллективизацией.

Провозглашалось (и в значительной мере осуществлялось на практике), что участие в борьбе за модернизацию СССР дает каждому гражданину равные возможности проявить и реализовать свои способности. Одновременно происходило выдвижение на передний план таких ценностей, как солидарность, коллективизм, взаимопомощь, в качестве необходимых условий успешного сложения индивидуальных усилий.

Эти ценности были не только элементом пропаганды, они воплощались в функционировании различных общественных объединений и иных социальных институтов советского общества. Принцип свободной коллективности, к сожалению, не стал в них главенствующим – бюрократический диктат постепенно занял доминирующее положение, и к середине 1930-х гг. свободное добровольное сотрудничество людей превратилось в декорацию, за которой правила бал бюрократическая опека [5].

Такая противоречивая ситуация определялась почти полным отсутствием в российском обществе необходимых социальных традиций совместной ассоциированной борьбы трудящихся за свои интересы (профсоюзы и т. п.), довольно низким уровнем социально-культурного развития большинства населения и весьма прочными позициями бюрократии.

Во второй половине XX в. в странах Запада начался переход промышленной цивилизации на новый исторический этап – к постиндустриальному, информационному обществу, который сопровождается реорганизацией всей совокупности общественно-политических отношений. Бурные технические сдвиги в передовых странах Запада

потребовали от Советского Союза перехода на следующий виток научно-технической революции, более высокого уровня организации труда и соответствующего подъема советской экономики. Но существовавшая в то время административно-командная система уже не могла обеспечить решение этих задач без своей существенной трансформации.

Как известно, был избран вариант перехода к рыночной экономике, демонтажа административно-командной системы, утверждения новой политической структуры, формирования гражданского общества и правового государства. Определяющим звеном в этом процессе явилась политическая система российского общества 90-х гг., задавшая ему антисоциалистическую направленность. Насколько правилен был избранный вариант?

Всякое управленческое решение, сопряженное с интересами социальных групп и общностей, влечет за собой социальные последствия, которые должны заблаговременно прогнозироваться для расчета их возможного воздействия на жизнь общества. В российском варианте сложнейшего, беспрецедентного реформирования никто не просчитывал возможные негативные или позитивные социальные последствия этого процесса. В итоге общество сотрясают сокрушительные социальные последствия проведенной демонополизации государственной (общенародной) собственности.

Практика прошедших лет показала, что в силу специфики российской действительности рыночные отношения и плюрализм, как в политической, так и в других сферах жизни, приобрели крайне деформированный, пагубный для значительной части населения характер. Их нельзя было вводить без соответствующих сдержек. Они могли сыграть положительную роль лишь при допустимых пределах, когда достигается определенное социальное равновесие. Эти условия в России не были соблюдены.

В начале 1990-х гг. Гайдар, Чубайс, Старовойтова, Бурбулис и прочие младореформаторы обещали советским гражданам не просто колбасу в магазинах, а рыночную экономику западного типа и полную модернизацию производства, честные демократические выборы (а не просто бюллетени с несколькими фамилиями), свободу слова, реальную многопартийность и реальное народовластие.

Архитекторы шоковой терапии были идейными, хотя и жестокими, не считающимися с наро-

дом политиками. Их поведение было концентрацией мировоззренческого настроя той социальной группы, которая их поддерживала и делала политической силой – либеральной интеллигенции, избалованной советскими социальными льготами, которые она перестала замечать, и уставшей от советской цензуры и идеологического прессинга, который им стал казаться невыносимым. Они с почти религиозным фанатизмом верили в Запад как в «лучший из миров» и в то, что никаких жертв не жалко, только бы жить как в «цивилизованной стране». Однако уже в начале 2000-х стало понятно, что Гайдар и другие теоретики либерального капитализма в России просчитались в своих оценках и предположениях. Капиталистические реформы в России в очередной раз провалились.

Известный американский экономист Джеффри Сакс, который фактически курировал либеральные реформы в России начала 1990-х, сказал поразительные по откровенности слова: мы вскрыли организм больного и обнаружили, что у него другая анатомия [6]. Основная ошибка Гайдара и его сторонников состояла в том, что они не знали настоящего реального Запада. И СССР, и Запад для них были абстрактными схемами из учебников по экономике, сначала вульгарно-марксистских, затем вульгарно-либеральных. И они пытались подладить эти схемы под живую жизнь, которая, как известно, намного сложнее и разнообразнее любой схемы.

Если называть вещи своими именами, то ни капитализма, ни либеральной демократии построить в России просто не удалось. Назвать экономическую систему, которая основана на деиндустриализации страны и распродаже ее природных ресурсов, капитализмом язык не поворачивается, еще Маркс показал, что капитализм – строй модернизаторский, осуществляющий научно-технический, промышленный прогресс в стране, где он установился, создающий, а не разрушающий производство современного типа. Тот же Д. Сакс в 1998 г. так охарактеризовал действия реформаторов в России: «Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей» [7].

Если оставить в стороне эмоции и политические пристрастия, то напрашивается следующий вывод: капитализм и либерализм как таковые в России не приживаются. Это – утопия, которая, если пытаться ее внедрить в жизнь, приводит к

множеству бессмысленных жертв. Жертвы гайдаро-чубайсовских реформ – советские люди, не вынесшие шока «терапии Гайдара», – оказались почти бессмысленными, потому что реформы целей своих все равно не достигли. Эти жертвы станут совершенно бессмысленными, если мы не сделаем соответствующих выводов из гайдаровского эксперимента.

А для этого нам нужно отбросить западоцентристские стереотипы. Мы должны пойти в политике и экономике своим путем, мы должны переиграть Запад, не переняв его смертельно опасных для нас ценностей. Только тогда Россия встанет с колен, возродится как великая мировая держава, только тогда народ наш выйдет из глубокого духовно-нравственного кризиса.

В России значительная часть населения не может решать свои социальные и материальные проблемы без улучшения жизни всего общества, а этого улучшения не случилось. «Списанные» с западного общества образцы будущей богатой, демократической жизни в российской действительности не прижились, да и не могли прижиться, кто бы и как бы этого ни желал.

Следует помнить, что исторически сложившиеся в России общинность и коллективизм, порождающие так называемое иждивенчество, существуют в обществе не случайно. Естественнo-исторические условия предопределили более низкий уровень развития производительных сил, по сравнению с развитыми странами Запада, большую зависимость и необходимость личности опереться на государство. В таких условиях общество (государство), забирая произведенный прибавочный продукт в свою собственность, обеспечивает возможность прожиточного минимума для большего числа населения. Поэтому критика иждивенчества и упование на то, что вводимый рынок без регулирующей роли государства расставит все на свои места, далеко не бесспорны и опровергаются опытом.

В условиях России люди при переходе к рыночным отношениям, теряя связь с государственным патернализмом, не столько обретают самостоятельность, сколько теряют защищенность и оказываются без опоры на общество, на государство, что вызывает социальный дискомфорт, особенно в условиях кризиса.

Ратуя за частную собственность, необходимо учитывать, что ее формы вызревают из состояния всех компонентов общественной жизни. А эти состояния не одинаковы на Западе, на Востоке и в России. Отсюда и различные возможности для

развития форм собственности, рыночной экономики.

В России невозможно быстро построить рыночную экономику на частной основе. В соответствии с ее особенностями, удельный вес государственной собственности и государственного регулирования экономики, временной период должны быть значительно выше, чем представилось на начальном этапе преобразований.

Таким образом, реформы в нашей стране в силу специфики социокультурного развития всегда осуществлялись «сверху». Главная драма российских реформ заключается в том, что власти, осуществляя реформы, как правило, не проводили длительной, кропотливой разъяснительной работы с основной массой населения по вопросу – зачем, почему и для чего эти реформы проводятся. Не стремились к широкому обсуждению механизмов и методов проведения реформ и в итоге не создавали широкой социальной базы для их поддержки и осуществления. К сожалению, не избежали этой роковой ошибки и современные реформаторы.

Текущие и стратегические интересы страны требуют крутого перелома неблагоприятных тенденций в социально-экономическом развитии. Для нормализации положения нужна концентрация ресурсов и усилий общества, направленных на развитие человека, его материальных возможностей и социальных потребностей. Пока же российское государство не готово должным образом выполнить эту задачу. Кроме того, процесс

социальной поляризации лишь усиливает концентрацию богатства на одном полюсе российского общества: 70 % населения располагает менее 10 % совокупного дохода, а 0,2 % обладают 70 % национального богатства. Для абсолютного большинства населения не созданы условия социально устойчивого и стабильного развития, без которого не могут крепнуть чувства социального оптимизма, уверенности в завтрашнем дне, доверия государству. Необходима новая, эффективная стратегия реформ, которая будет понята и поддержана населением.

Примечания

1. Баранов, Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России [Текст]: курс лекций, в 3-х ч. / Н. А. Баранов. – СПб.: БГТУ, 2004. – 430 с.
2. Вишневский, А. Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР [Текст] / М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет) 2010. – С. 48.
3. Гавров, С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России [Текст] / С. Н. Гавров. – М.: Едиториал УРСС, 2010. Второе издание. – С. 38–72.
4. Цит. по: Баранов Н. А. Политическая модернизация в России: поиск альтернативы. – С. 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: society.polbu.ru/baranov_politics/ch112_i.html.
5. Колганов, А. И. Путь к социализму: трагедия и подвиг [Текст] / А. И. Колганов. – М.: Экономика, 1990. – 171 с.
6. Независимая газета, 31 декабря 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/politics/articles/99-03-30/kiva.htm>
7. ru.wikipedia.org/wiki/Сакс_Д.